

Высшая математика командира сторожевой заставы

После возвращения из Афганистана, я был направлен в служебную командировку в Польшу, в Высшую офицерскую школу механизированных войск имени Тадеуша Костюшко. Как говорится, для обмена боевым опытом.

У меня был, подготовленный еще в Союзе, план проведения занятий по разведподготовке. Но одно из занятий было проведено мною не по плану. Я начал его с рассказа о своей учебе в военном училище и о нашем преподавателе высшей математики Балашове Василии Прокофьевиче. Василий Прокофьевич в годы Великой Отечественной войны командовал полковой разведротой. После войны он окончил педагогический институт. И всю свою жизнь посвятил обучению курсантов Московского Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР.

На втором курсе меня перевели в спортивный взвод. Весь четвертый семестр мы были освобождены от учебных занятий и усиленно готовились к Первенству Московского военного округа по многоборью взводов.

Весь этот семестр, по вечерам, в свое личное время, Василий Прокофьевич приходил к нам в казарму и занимался с нами высшей математикой. Мы пытались сопротивляться, ссылаясь на то, что нам нужно тренироваться. На что Василий Прокофьевич веско возражал, что по выпуску из училища мы станем офицерами, командирами подразделений, а не спортсменами. А чтобы стать хорошими командирами, нам нужно еще многому научиться и многое узнать.

- И разве современный командир может обойтись без знаний высшей математики? - Спрашивал он нас.

Что ему ответить, мы не знали. Мы же были всего лишь курсантами, а не офицерами. Он отвечал за нас сам.

- Нет. Не может!

Впервые о его словах я задумался довольно скоро. Уже через год после выпуска из училища, в сентябре 1986 года. Я тогда лежал в баграмском инфекционном госпитале с тифом. После того, как к нам в отделение привезли моего ротного с гепатитом, офицеров в нашей роте, которые могли бы командовать 8-й сторожевой заставой, не осталось. По просьбе ротного мне пришлось сбежать с госпиталя к себе на Тотахан (отм. 1641 м.).

С первого дня командования заставой я сильно переживал, что у меня во взводе нет ночных прицелов в рабочем состоянии (ночные прицелы на БМП и танке были не в счет, от них на горке толку было мало, а "работающих" батареек к ночным прицелам для стрелкового оружия и для переносной станции наземной разведки просто не было). И, я давал себе отчет, что к ночному бою моя застава была подготовлена довольно слабо. А то, что душманы, скорее всего, могут напасть на нее именно ночью, для меня секретом не было. Просто днем подобная попытка обошлась бы им слишком дорого.

Я пытался как-то решить этот вопрос. Ротный писал заявки и поднимал этот вопрос на совещаниях. Ему обещали решить этот вопрос, но, как известно, обещать и жениться - это две немного разные вещи. По своим каналам я периодически просил начальника связи батальона достать нужные мне батарейки. Но батареек к НСПУ и к переносной станции у него не было. Зато регулярно получал от него "на орехи" за то, что я разбирал югославские аккумуляторные батареи для переносной радиостанции Р-148, чтобы запитать ими ночные прицелы НСПУ (после подобных "усовершенствований" АКБ приходили в негодность, но зато благодаря им у меня были действующие ночные прицелы, которые позднее не раз выручали меня и моих разведчиков, когда мне пришлось командовать отдельными разведвзводами).

На случай ночного боя я держал в неприкосновенном запасе несколько осветительных мин к миномету и осветительные ракеты (50-мм реактивные осветительные патроны). Помня о своем детском увлечении архитектурой и старинными рыцарскими замками, в которых мне довелось побывать, немного усовершенствовал СПС-

ы (стационарные пункты для стрельбы или стрелково-пулеметные сооружения) на заставе - заузил стрелковые бойницы так, чтобы у каждого стрелка основной сектор стрельбы был фиксированный (немного перекрывающий сектор стрельбы соседа слева, и в результате, создающий круговую оборону взвода). А запасной сектор стрельбы сделал более "свободным". Сверху перекрыл бойницы так, чтобы в верхнем крайнем положении стрелок мог вести огонь ночью по противнику не только в своем секторе стрельбы, но и на самой эффективной высоте относительно горного склона (обеспечивая тем самым необходимую для отражения нападения моджахедом плотность огня). В каждом СПС-е, в ящике из-под гранат хранился запас боеприпасов - две упаковки патронов по 120 шт., две гранаты Ф-1 (либо РГО) и две РГД-5 (либо РГН).

По принципу этих бойниц, в июне 1987 года на пакистанской границе в районе Алихейля сосновыми колышками я буду размечать сектора стрельбы для пулеметчиков, чтобы обеспечить ночью безопасный выход своей разведгруппы. Которую, по моим расчетам непременно должны были преследовать братья-моджахеды.

А пока, на наиболее опасных направлениях, установил сигнальные мины. Вскоре их, почти все, сорвали местные дикобразы. А вот пустые банки из-под консервов и тушенки, которыми мы позднее засыпали эти места, оказались на удивление эффективными. Даже проползти ночью без шума там стало невозможно. И несколько дикобразов, которые пытались скрытно подобраться к заставе вскоре стали приятным дополнением к нашему привычному рациону питания.

В общем, кое-что для ведения ночного боя я сделал. Но после тифа (точнее, во время болезни, из госпиталя я сбежал так и не долечившись) у меня был не только большой дефицит веса, но и практически полный упадок сил. Даже передвигаться по заставе у меня получалось тогда только с большим трудом. Что уж тут говорить о возможности управлять заставой в бою. В общем, командир из меня был тогда совсем никудышный. Но других командиров на заставе не было.

Пришлось выкручиваться. Благодаря помощи командира взвода из минометной батареи нашего батальона Олега Агамалова, я разобрался со стрельбой из миномета с закрытой огневой позиции по выносной точке прицеливания (в качестве выносной точки прицеливания использовался цинк из-под патронов с прорезью, в который при стрельбе ночью вставлялся фонарик). 82-мм. миномет "Поднос" стоял рядом с канцелярией командира роты (небольшая постройка из камней два на четыре метра, в которой обитал командир роты и я) и в горах был просто незаменим.

Из миномета (на основном заряде) я перекрыл скрытые подступы к заставе и непростреливаемые из стрелкового оружия, "мертвые" зоны (которые раньше были перекрыты только пустыми консервными банками).

Сделал "рабочую" карточку огня сторожевой заставы, на которой указал не только данные для стрельбы по ориентирам и возможным целям из миномета (заряд, прицел и угол на выносную точку прицеливания), но и данные для ночной стрельбы из танка Т-62 и трех своих БМП-2 (по азимутальным указателям; для более точной стрельбы танк и БМП использовали ночные прицелы). В ящики с дополнительным боекомплектом в СПСы, расположенные рядом со скрытыми подступами к заставе, добавил еще по парочке гранат Ф-1.

Теоретически "картинка" ночного боя начинала складываться. Но проблема, как всегда вылезла оттуда, откуда я меньше всего ожидал. Так как, на первый пост, где у нас была установлена труба зенитная командирская ТЗК-20 и откуда было лучше всего управлять боем, сил забраться у меня не было, то вся надежда была на часовых, стоявших на этом посту. На их грамотную и профессиональную работу по целеуказанию и корректировке огня. И тут возникла настоящая проблема. То, что не все бойцы в нашей многонациональной мотострелковой роте не слишком хорошо говорили по-русски, с этим мы как-то справлялись. То, что они не могли точно давать целеуказание, с этим мы тоже вскоре разобрались. Главная проблема заключалась в том, что ночью они не могли точно

указать на место, откуда душманы запускали реактивные снаряды по нашей заставе или по баграмскому аэродрому. Или вели обстрел. От слова совсем! А могли только примерно, рукой указать общее направление.

- Откуда-то оттуда. Или оттуда?

Да, ночи у нас под Баграмом обычно стояли светлые. Такого количества звезд, как там, я не видел больше нигде (разве что позднее, когда работал в Индийском океане). В такие ночи наблюдатели и часовые могли довольно точно дать координаты целей. Но мне этого было мало. Я хотел, чтобы моя застава, при необходимости, могла вести бой не только днем или звездной ночью, но и кромешной тьме. И не просто вести бой, а воевать без потерь. И побеждать.

Решение нашлось совершенно неожиданно. Я вспомнил слова моей бабушки, которая выхаживала меня в детстве после серьезной травмы позвоночника. И которая не раз мне говорила, что не стоит жалеть о том, чего у тебя нет. А нужно развивать свои возможности, которые у тебя есть.

Поэтому я не стал жалеть о том, что аккумуляторных батарей на переносную станцию наземной разведки ПСНР-5 у меня больше не осталось. Что не было батареек на ночные прицелы НСПУ. Что вокруг заставы не стояло ни одной "Охоты" и не было даже самых простеньких сейсмодатчиков. Я просто внимательно посмотрел вокруг, на то, что у меня было. А была у меня труба зенитная командирская ТЗК-20. Разбираясь с ней, я обнаружил азимутальный целеуказатель! Это открытие стало ответом на мучивший меня вопрос по управлению огнем заставы не только днем, но и ночью. Ведь азимутальные указатели стояли на танке и на трех моих БМП (иногда на четырех, когда на заставе стояла БМП командира роты). Танк и БМП стояли в окопах. Другими словами, положение их было фиксированным. Это здорово облегчало стоящую передо мною задачу. Мне нужно было просто объединить все эти "инструменты", углы и угломеры в единую систему!

Дальше все было просто. Я немного усовершенствовал свою "рабочую" Карточку огня 8-й сторожевой заставы - свел воедино азимутальные углы ТЗК, танка, БМП и миномета. Чтобы не путаться с поправками для разных образцов оружия, за основу я взял "ноль" на азимутальном указателе танка - танк, стоящий в окопе, повернуть было

проблематично. А вот переместить выносную точку прицеливания для миномета, под этот "ноль" - было не сложно. И, уж тем более, немного развернуть треногу ТЗК-20.

Теперь целеуказание часовой с первого поста вел не на ломанном русском языке, а на языке цифр - передавал данные с азимутального указателя на том же самом ломанном русском языке. Но это было гораздо проще (цифры на русском языке знали все), понятнее и значительно точнее. Не только днем, но что самое главное - и ночью! Часовой просто наводил ТЗК-20 на цель и передавал с поста цифры, которые видел на азимутальном целеуказателе. Просто несколько цифр, указывающих направление на цель!

А дальше, с их помощью, я определял координаты цели по своей Карточке огня (определить дальность до цели днем не представляло особого труда, а ночью её приходилось "угадывать", исходя из рельефа местности и предполагаемых действий братьев-моджахедов). Затем выбирал наиболее подходящий вид "оружия" и боеприпасов. И, в зависимости от этого, передавал исходные данные для стрельбы экипажу танка или наводчикам операторам БМП - с помощью радиостанции Р-148. А минометному расчету, чья позиция располагалась метрах в десяти от первого поста, голосом.

При необходимости, я мог запросить через батальон огневую поддержку дивизионной артиллерии и авиации. Но им координаты передавал уже традиционным способом - с указанием квадрата по своей рабочей карте-"сотке". Более точное указание координат цели, по "улитке", для них, как правило, не требовалось.

Прошло буквально несколько дней, и все мы почувствовали изменения. Обстрелы нашей заставы практически прекратились. Обстрелы баграмского аэродрома с нашей зоны ответственности стали очень большой редкостью. Местные душманы начали активно поддерживать политику национально примирения. Стремительно превращаясь из непримиримых врагов в добрых, мягких и пушистых дехкан. А все почему? Все потому, что на все их прежние, по сути, безнаказанные обстрелы, раньше застава могла работать только "по площадям" - не нанося серьезного урона противнику. Теперь же любая их попытка провести обстрел, получала жесткий, своевременный и довольно болезненный ответ.

И, самым главным результатом всех этих изменений стало то, что за все время моего командования заставой, среди моих подчиненных не было ни одного раненого, ни одного убитого.

Не было раненых и убитых и среди моих разведчиков, которыми я командовал позднее. За все двадцать шесть месяцев моей службы в Афганистане и за все последующие годы. И причиной тому, в первую очередь, была "высшая" математика, которой учил меня на втором курсе Московского высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР бывший войсковой разведчик Василий Прокофьевич Балашов. Не устававший повторять, что побеждает на войне не тот, кто перевоюет противника, а тот, кто его передумает.

- Так что думайте, панове! Думайте и еще раз думайте! Как говорят у нас в России, "голь на выдумку хитра" - а потому используйте для выполнения поставленных боевых задач и сохранения жизней своих подчиненных все, что вас окружает. Все, что есть у вас под руками и под ногами. И помните, вашей стране, как и любой другой, нужна сильная армия. Но для сильной армии нужны мудрые военачальники, которые смогут победить врага, не сделав ни одного выстрела. А значит, и, не потеряв ни одного своего солдата - чьего-то сына, брата или будущего отца.

Александр Карцев, член Союза писателей России, <http://kartsev.eu>

P.S. На фото: Труба зенитная командирская ТЗК-20 на первом посту.